

Нина КРОМИНА

НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

Рассказы и миниатюры

I. АНАСТАСИЯ

Трудно сказать, почему Анастасии в начале двухтысячных дозволили поселиться на Секирке, то ли послушание ей такое дали, то ли умолила батюшку или самого митрополита. Ровно год, от осени до осени, прожила она здесь длинную северную зиму и короткое белое лето. Исправно каждый день по лесной дороге добиралась до монастыря, где молилась спокойно, без исступления. Потом в посёлке заходила в местный магазин, где покупала ровно столько, сколько птица в клюве могла унести, и возвращалась в крошечную постройку при Свято-Вознесенском храме, в котором в ту пору богослужения проходили только в престольные праздники.

Худая, невысокого роста, узколицая и белокожая, в длинной юбке и светлом платке — она ничем не выделялась среди паломниц, которых уже и тогда на Соловках было предостаточно. Однако между ними и Анастасией никто не замечал какого-либо сближения, и даже когда работали на небольшом картофельном поле, расположенном справа от дороги к храму, держались поодаль друг от друга.

Анастасии казалось, что многие приехавшие на остров за молитвенной помощью женщины будто бы напоказ бьют поклоны, излишне придирчивы к приезжим и особенно экскурсантам. Паломницы, в свою очередь, сходились во мнении, что Анастасия слишком суха и ничем не выказывает молитвенного рвения, под благословение идёт без должного трепета, и поглядывали на неё искоса. Один случай и вовсе на час-другой развёл их.

Как известно, купание в Святом озере рядом с монастырём не благословляется. Однако экскурсанты и экскурсантки, здакое бесовское отродье, то ли по незнанию, то ли от жары и усталости, едва сойдя с дороги, что от Секирки, бросались к воде. Нет, не нагишом, в купальниках. Но какой же это соблазн для монахов, тьфу, срамота. Вот и задумали паломницы отучить купальщиков от этой гнусности. Набили бутылок, затолкали их в мелкую заводь, что среди зарослей прибрежных трав тёплым песочком вдавалась в озеро, и, спрятавшись за кустами, стали наблюдать.

Однако экскурсанты задерживались. Вместо них вышла из леса Анастасия. Привычным широким шагом дошла до озера, расшнуровала кроссовки и уже готовилась к тому, чтобы босиком зайти в воду и ополоснуть разгорячённое лицо, как вдруг заметила блеснувших в воде стайки окуньков. Скинув обувь, прошла по траве, вступила на влажный песок и ахнула. Перед ней остриями вверх торчали битые бутылки. Вытаскивая их из вязкого дна, поранила руки, и кровь, растворяясь в воде, размытым узором поплыла по озеру. Сложила осколки в матерчатую сумку, сняла с головы платок и, перевязав им ту руку, где кровь вытекала струйкой, медленно пошла к воротам монастыря.

На службу без платка на голове зайти не посмела. Смирненно стояла на паперти. Проходившие паломницы зыркали в её сторону. Лишь несколько сочувственных взглядов задержались на её руке. По окончании службы Анастасия не зашла как обычно в магазин, а отправилась в больницу. Но по дороге подумала, что приём, наверно, закончился, и повернула в сторону к дому.

В это же время от ворот монастыря на Секирную гору по расписанию отправлялся списанный с материка автобус с паломницами. Набившись в ПАЗик, бывший когда-то кабине-голубым, женщины изнывали от жары, ожидая водителя. Вот он прошествовал к кабине, включил зажигание, раз, другой, третий. Увы, автобус даже не чихнул в ответ. «Свечи, — подумал водитель, — свечи», — и, обратившись к пострадавшим женщинам, подтвердил:

— Поездка отменяется. Свечи...

Покорно, вслед бодро шагающей Анастасии, пошли по дороге. Кто-то напевал что-то церковное, кто-то молча молился. Сначала держались кучкой, потом растянулись так, что передние, оглядываясь назад, за поворотом не видели последних. Выступал пот, комары липли к лицу, оголённым рукам... Дышали с наугой. После подъёма в гору, слушая стук в голове и сердце, в изнеможении садились на что придётся: на траву, камень, пень... Некоторые добрались до скамейки около храма.

Когда же из постройки с ведром воды и кружкой вышла Анастасия, встали и, расправляя ноги, потащились к ней. Не глядя на её руку, перевязанную платком со следами крови, подставляли сложенные черпаком ладони и медленными глотками втягивали в себя воду.

II. НЕМЕЦ-ПЕРЕЦ

Бернхарда, сына Бернхарда, круглая голова, мясистое лицо, серая ветровка, джинсы, бейсболка, сумка на плече, встречала в аэропорту дёрганная девица. Стояла у выхода с табличкой, написанной по-немецки крупными буквами, и раздражённо, поптичь крутила головой. Он уже готовился заключить незнакомку в свои медвежьи объятия, но, натолкнувшись на её сердитый взгляд, лишь поздоровался:

— Guten Tag.

Девица утвердительно кивнула головой и, смерив Бернхарда взглядом, указала жестом, чтобы он следовал вперёд. «Знает ли она немецкий? — мелькнуло у него и тут же уступило место другому: — Какие они тут?» Вглядывался в мелькающие за окном худосочные деревья с облезающей корой, надвигающиеся и исчезающие постройки, дома. Ему хотелось бы сесть рядом с шофёром, но девица, не церемонясь, почти втокнула его в заднюю дверь, ещё и цыкнула. В дороге молчали. В поведении сопровождающей Бернхарду виделась озлобленность, почти ненависть. «Неужели они нас так и не простили?» — думал он и вспоминал детство без отца, конверт из жёсткой бумаги с расплывшимися буквами от единственного письма с фронта, худую мать, зябкие длинные тусклые вечера. Он сожалел, что ничему толком за свою жизнь не выучился. Работа на почте, куда в четырнадцатилетнем возрасте сунула мать, так и осталась единственным местом его службы. Сортировал письма, принимал телеграммы...

И вот теперь, выйдя на пенсию, скопив, как и положено немцу, некоторую сумму и предварительно изучив глянцевые проспекты, купил тур в страну, откуда не вернулся отец. Глядя на картинки с золотыми, утонувшими в зелени куполами, он волновался так, что сердце замирало, а кончики пальцев начинали чуть заметно дрожать.

В первую свою поездку Бернхард выбрал две точки: Кириллов и Соловки. В Кириллове, не пытаясь согнать с лица блаженно-мечтательное выражение, с несвойственным ему чувством полёта над землёй, всматривался в разлившееся озеро, могучие монастырские стены. И счастливо улыбался. В музеях с настойчивостью исследователя дотошно рассматривал экспонаты. В храмах не только разглядывал иконостас и иконы, но несколько раз пытался осенить себя крестным знаменем, сосредоточенно прикладывая к двум пальцам третий.

Девица, представившаяся Леной, ему не мешала, но и участия в его прекрасных душевных порывах не принимала: стоя в отдалении, дожидаясь, отсутствующим взглядом скользя по экскурсантам и историческим объектам.

На её лице, кроме безразличия и скуки, Бернхард иногда замечал удивление. Он догадывался, что она не понимала, зачем какому-то заштатному немцу российская история. Её взгляд часто говорил ему: какого чёрта ты суешь свой нос в каждую дырку. Почему задаёшь какие-то глупые вопросы экскурсоводам, если в русском ни бельмеса, а те ни слова по-немецки?.. Нарочито вяло тащилась к ним, переводила лениво и невнятно.

Он же старался быть с ней вежливым, предупредительным: поддерживал под локоток, одобрял взглядом, в ресторанах отодвигал для неё стул. А она? Локоток выдёргивала, на взгляд не отвечала и делала вид, что не понимает, когда он с немецкой настойчивостью просил на обед то пигус, то взвар.

«Нет, должность *betreuer* не по ней. Дело сопровождающей обеспечить мне наибольший комфорт, а она... только мешает».

Бернхард замечал, что Лена, показывая местным экскурсоводам на него то взглядом, то кивком головы, посмеивалась над ним, а те поглядывали на неё с явным сочувствием.

Терпел... Увы, сбежать от неё не представлялось возможным.

Как-то, заметив приближающегося к колокольне звонаря, припустил за ним и уже стал подниматься по крутой деревянной лестнице, как вдруг Лена, распахнув настежь

аккуратно прикрытую им дверь, ворвалась, схватила за рукав и стянула вниз. «Да что же это такое? Что ты мне житья не даёшь? Отстань от меня!» — хотелось закричать ему всюю мощью богатырской груди. Но промолчал. Лена же процедила сквозь зубы:

— Ich bin für Ihre Sicherheit verantwortlich.

А скольких трудов ему стоило уговорить реставраторов, жестами показывая на своды в храме, чтобы взяли его с собой на леса, и опять то же:

— Я отвечаю за вашу безопасность.

«Неужели она и на Соловках будет опекать меня как нянька?» — волновался Бернхард, не сводя глаз с мелькавших за окном пейзажей, то величественных, то убогих.

Их поселили в новом гостевом доме на Торфяном озере. Номера оказались друг против друга. Ему выделили номер большой, светлый, окнами на восток, ей — комнатку с видом на ельник. Бернхард с охотой парился и нагишом нырял вместе с норвежцами в кажущуюся маслянистой, но удивительно чистую и прозрачную воду. Норвежцы рыбками повисали в воздухе и разрезали поверхность озера лёгким всплеском. Немец плюхался так, что вода выходила из берегов. Он досадовал на себя и сожалел о своей тучности. Радовался тому, что научился плавать в юности, посещая некоторое время тесный городской бассейн.

Лена негодовала и скрипела зубами.

Бернхард рвался всё увидеть, сфотографировать и запомнить. В музее ГУЛАГа, уже после экскурсии, умолил экскурсовода открыть стеклянную витрину и достать для него редкую книгу. Рассматривая фотографии, он, чуть не плача, всматривался в чужие лица чужой жизни. Заглянув через его плечо, Лена рассвирепела. Не выдержав, бросила:

— Зачем тебе это надо? Компромат на нас собираешь? А сами, сами вы, что с нами сделали? Гады, гады, — но тут же взяла себя в руки, извинилась и лишь бросила в сторону негодующее: — Немец, перец.

Только что не сплюнула.

Бернхард выслушал Ленину тираду молча. Он чувствовал себя виноватым, а потому остаток дня и вечер не только не открыл рта, но выглядел старым, больным, угрюмым.

С утра всё пошло по плану: экскурсии, богослужения, вечером кресторезная мастерская.

Лена валилась с ног, он просил её остаться в номере, отдохнуть, она не соглашалась.

— Понимаешь, я за тебя отвечаю, — твердила она.

Перестала подкрашивать глаза; волосы, ставшие ломкими, похожими на птичьи перья, прятала под косынкой, которую повязывала так, чтобы защитить лоб, уши и шею от изводящих её комаров...

Как-то отправились на Муксалму. Когда подошёл катер, показавшийся Бернхарду ржавой кастрюлькой, Лена захихнула его в каюту и рывкнула, чтоб сидел и не высовывался, а он-то мечтал встать на нос, чтоб брызги в лицо, и упиваться, и фотографировать, и млеть. Порывался вырваться из тесноты с одним невымытым оконцем, но Лена не пускала. Выдвинула вперёд руки и толкала его вниз. Немец сначала смеивался, будто принимая игру, потом всерьёз рассердился и отпихнул бы свою телохранительницу, если бы не её гневное и всегдашнее:

— Я отвечаю за вашу безопасность.

Спустился вниз, съёжился на скамейке у окна. Лена встала на стрёме у трапа. «Караулит», — злился Бернхард. Жара и духотища донимали его. Через мутное стекло он увидел, что Лена изменила дислокацию и, скрестив руки на груди, стояла около сходней и почти в упор смотрела на капитана, пора отчаливать. Однако тот не спешил. Закурил, прошёлся по берегу, постучал сапогом по борту катера, опять закурил.

Из леса к озеру растяннувшейся цепочкой подходили паломники. Он сразу узнал эту группу: несколько часов назад встретились, когда спускались с Секирки. Их автобус сломался, и весь путь туда и обратно они проделали пешком. Уставшие, почти в изнеможении тащились к катеру, говорили что-то капитану, видимо, просились на катер. Капитан опять закурил, потом, отшвырнув сигарету, махнул рукой и дал знак: загружайтесь. Бернхард наблюдал, как он помогал подниматься женщинам по сходням, следил за его уверенными движениями и вдруг заметил женщину лет сорока с ребёнком, девочкой лет пяти. Девочка сидела у женщины на шее. Ручонки, ухватившись за материны волосы, безжалостно теребили пряди. Лена жестикулировала, пытаясь что-то втолковать капитану. Тот лишь пожимал плечами и, указав ей на вход в катер, резкими движениями отбросил сходни...

«Перегруз», — отметил про себя Бернхард, пробираясь к выходу из каюты, в которую набилось изрядное количество пассажиров... В толпе он не сразу отыскал Лену, которая высматривала кого-то. Он рванулся в её сторону, привык быть под надзором своей наседки, но, натолкнувшись на неё взглядом, понял, что она ищет не

его. Протискиваясь с носа на корму и обратно, он шёл за ней, не обращая внимания на недовольные взгляды и шипение женщин, на дрожь и крен катера, не глядя на величественную картину необъятного неба с парящими в нём чайками, альбатросами, поморниками. Наконец-то увидел, что, вернее, кого высматривала Лена.

На капоте среди других, полулежавших вплотную друг к другу, выделялась женщина с девочкой. Девочка примостилась у женщины на подоле, и та придерживала её обеими руками. Бернхарда насторожило не столько то, что пассажиры находятся на таком опасном месте, как то, что даже на ребёнке не было спасательного жилета.

— Лена, Лена! На ребёнка необходимо надеть жилет! — выкрикнул через головы. Вместо ответа развела руки, пожала плечами...

Неожиданно катер остановился, по левому от него борту стоял катер чуть больших размеров. Он молча качался на волнах. Толпа сгрудилась на палубе и приветственно махала руками. Капитаны, стараясь перекричать ревущий мотор и чаек, спорили о чём-то. Бернхард догадался, что капитан аварийного судна о чём-то просит. «На буксир хочет, вот чудак, мы же и так еле тащимся». Однако, судя по тому, как тот был настойчив, заключил, что сговор состоится. Но тут появилась Лена. Подойдя к капитану, она сказала что-то и, показав на Бернхарда, строго взглянула сначала на одного капитана, потом на другого. Бернхард усмехнулся: «Оберегает». Очевидно, её аргумент был настолько весом, что капитаны лишь пожали плечами и разошлись. Отчалив, катер набрал ходу и, натужившись, задрожал ещё сильнее...

Метрах в пятидесяти от дамбы, заглушив мотор и бросив якорь, капитан начал транзит пассажиров на ожидающие их деревянные лодки. Вместе с гребцами, поддерживая то одну женщину, то другую, помогал подойти к скамье и только после того, как та, обретя равновесие, занимала свободное место, протягивал руку следующей.

Внезапный всплеск воды, за ним второй, третий, истошный женский крик, ещё один всплеск... Никто не успел понять, что произошло, но увидели руки в серой, намокшей одежде, поддерживающие ребёнка над водой, круглую голову. Перегнувшись через борт лодки, руки осторожно положили девочку на скамейку и тут же исчезли...

Оглашая пространство грохотом мощного мотора, нёсся по заливу, сверкая в лучах заходящего солнца, новенький «Мангуст». Укутанные пледами, сидели в каюте две женщины, девочка пяти лет и грузный старик с взлохмаченными волосами. Старик был весел. Бравые парни хлопали его по плечу, подливали ему и себе в пластмассовые стаканы, и он, повторяя время от времени «russischer vodka seingut», то откусывал от шмотка жёсткой краковской колбасы, то подтягивал за ними их песни. Девочка вертелась, глядя на старика, как и её мать, с удивлением и восторгом. И только одна пассажирка, то ли женщина, то ли девица, казалась раздражённой и озабоченной. Двумя пальцами она держала уголок промокшего паспорта в бордовой обложке и движением руки из стороны в сторону пыталась его просушить, при этом она сердито поглядывала на старика и как-то мстительно повторяла:

— Ничего-ничего, меньше ездить будет.

Старик же по-отечески любовался ею и, удивляясь её бесстрашию, прикидывал в уме маршруты их будущих путешествий по России.

III. ОТСРОЧКА

Тоненькой травинкой, выросшей в зарослях, с нежной грустью во взоре, устремлённом куда-то ввысь, Дёмушка походил на мать. В девять лет он уже писал стихи, читал классиков и даже знал фамилии ныне здравствующих российских писателей. Но все эти устремления испарились, когда пришла беда. С того самого дня, когда отца вызвали в Кемь, Дёмушка приноровился вставать рано.

Теперь едва зазолотившаяся белая ночь вторгалась в просвет между шторой и голубой, покрашенной масляной краской стеной, он не спеша свешивал ноги с кровати и оглядывал комнату хозяйским взглядом (отец перед тем, как войти на «Василия Косякова», крикнул: «Ты теперь за хозяйна. Аленку слушайся»). И что-то ещё, что потонуло в оглушающем рёве мотора. Звонила из больницы мать, волновалась, просила, чтоб слушался сестру. На вопросы о здоровье отвечала односложно:

— Все хорошо.

— А когда выпишут?

— Не знаю, — она глубоко вздохнула и продолжала: — Если что нужно, просите у тети Тани.

(Бездетная тетя Таня, соседка, которая жила во второй половине отделанного под квартиры барака, так же как и родители Дёмушки и Аленки, приближалась к

полувековому юбилею).

На этом разговор прерывался, потому что дорого и «потом ещё поговорим».

А Демушка изо всех сил старался стать хозяином. Пытался говорить отцовским голосом, надувая при этом губы, и, выдавливая из горла хрипотцу, ходить его походкой, широко расставляя ноги в высоких сапогах. Он хотел бы взойти на катер, запустить мотор, вытащить сеть в прибрежных кустах Филипповских садков, в самой удаленной части, куда ни монахи, ни рыбадзор не заглядывали и, ожидая покупателей, знакомых отца с далеких лет средней школы, покуривать, отпугивая мошку и комарье. Он помнил, как отец и его приятели радостно встречались, крепко пожимая друг другу руки, и, обменявшись товаром и деньгами, расставались довольные друг другом.

Но катер арестовали вместе с отцом. Отца увезли, а с катера сняли мотор, теперь он болтается в воде и никакого от него проку. Ни рыбы, ни туристов. А виной всему этот рыхлый немец, тушей свалившийся за борт, не дождавшись, когда к катеру подойдут лодки и начнут пересаживать туристов. То ли перегнулся за борт, то ли не дождался команды. И все бы ничего, и все бы обошлось, поскольку у берега мелкота. Пограници и Росгвардия посмеялись, одеялом деда укутали, костёр развели, водкой угостили. Голосили на Муксалме чуть ли не до золотого утреннего света обрывками русских и немецких слов.

Отец рассказывал, что пургу погнала сопровождающая. «Она мне сразу не понравилась: рыжая... Идёт, заграничным паспортом этого немца размахивает и орет: «Ты за него мне ответишь!» А я что, толкал его, что ли?»

До Демушки донеслась скороговорка соседки, что отцу дадут лет пять за незаконный провоз пассажиров, перегруз судна и браконьерство. От неё же Демушка узнал, что не сегодня завтра приедут из района и по его душу, и по Аленкину: изымать из семьи. Хотя какая семья, семьи-то теперь нет. «Я не допущу, ты не волнуйся», — пицала соседка матери в телефон.

Звонила мама и детям и сказала, что это временное, пока её не выпишут из больницы. Но Демушка решил семью во чтобы то ни стало спасти. Он слышал, как отец в ответ на ойканье Татьяны буркнул: «Откуплюсь». А та защебетала: «За деток не беспокойся, к себе возьму». Этого Демушка допустить не мог, тетя Таня чувствовалась ему чужой, и стал думать, как бы откупиться от изымальщиков.

Рыбу ловить он мог только удочкой и только у далекого озера, но там много не наливишь. Грибы, ягоды на продажу собирать не разрешалось, только для нужд семьи. Он хотел бы помогать в монастыре, но там и без него желающих много. Где же найти деньги, чтобы откупиться?

Глядя в окно, где в палисаднике пестрело от света и тени, где цвели разноцветные мальвы, любимые цветы отца, которые мать холила, едва только из земли поднимались их упругие темно-зеленые стебли, Демушка думал.

— Аленка, сколько можно спать. Уже восемь. Вставай. Пора варить и в огород.

Заспанное и сердитое Аленкино лицо выглянуло из-под одеяла и тут же спряталось. Демушка, по-отцовски нахмутив брови, сдернул одеяло.

— Отстань, — завопила Аленка, — он опять, мама! — и осеклась.

Села на кровати и, опустив голову на колени, заплакала.

— Рева, — нарочито грубо сказал Демушка, стараясь придать голосу отцовскую хрипотцу. Без родителей он чувствовал неприютность и сам мог бы расплакаться в любой момент. — Скажи лучше, чем откупаться будем.

Горько усмехнувшись, Аленка выговорила:

— Меня тетя Таня возьмёт. Она маме обещала.

— А я?

— Тебя покуда в интернат.

— А как же наша семья, огород, дом? Нет, так нельзя.

И про себя подумал: «Какой же я хозяин, если семью не удержу». И вспомнил, как отец говорил: «Самое главное для человека — семья. Сколько времени я мыкался, пока вашу маму не встретил». И в какой уже раз принимался за рассказ о том, как Анастасия жила одна на Секирке, как однажды он отказался подвезти её, он тогда водителем работал, потому что с велосипедом не положено, и как в этот же день у автобуса заглох мотор и экскурсанты от монастыря пешкодралом, а он сколько ни звонил, аварийка так и не приехала. Пришлось самому в центр топать, потом полочка свечи менял. А все почему? Грех это страждущему отказать. Перед Анастасией он тогда повинился и навязался в помощники. Таскался за ней, а когда ей пришёл срок уезжать, умолил, чтоб в мужья взяла. Она согласилась и на острове осталась. Но почему-то часто печально вздыхала и смотрела то ли в себя, то ли на то, что не видел никто, кроме неё. Отец говорил, что она устала от Соловков. Хотела домой, в город, к привычному укладу? Но она же сама рвалась, упросилась на послушание, год прожила одна на Секирке.

В посёлке оказалось тяжелее. Быт, супружеские обязанности, дети, соседи —

люди трудные, поселковые. Единственное место, где душа отдыхала, смягчалась, не томилась — был монастырь и церковные службы. Иногда она думала, что ей следовало бы вместо замужества уйти в монастырь, когда-то она просилась в Девеевский, но ей дали благословение на Соловки. «А потом, если захочешь, приезжай, возьмём». Не приехала.

Теперь, любя и мужа, и детей, маялась, болела, и Демушка услышал, как однажды, когда мать вышла из дома и по тропе пошла к монастырю, Татьяна, покачивая головой, ей в спину прошептала: «Не жилец».

Теперь, когда мать в очередной раз томилась в больнице, Демушка, вспоминая эти слова, ощущал такую тоску, что, если бы не считал себя хозяином, а значит, мужчиной, ныл бы, как Аленка.

— Встанешь ты, наконец? — прикрикнул на сестру. Та по-прежнему сидела на кровати, обняв ноги и глядя в окно неподвижным взглядом. — Тебе сегодня во сколько? — К четырём, — прошептала, не повернув головы. — Только я не пойду. Про отца все знают и про мать. Глазеть начнут, жалеть, выпрашивать.

— Так нельзя, раз взялась за дело, надо работать. Все говорят, что у тебя способности, — вспоминая слова отца, возразил Дёмушка. — Твоими картинками вся школа искусств увешана. А первые места на конкурсах чьи? — глаза Дёмушки заблестели, слова становились увереннее и пружинистее. — Ты вчера что рисовала?

— Монастырскую стену, колокольню. Тебе-то что?

— А ну, покажи.

— Отвянь. Никуда не пойду.

Но Дёмушка уже рылся в сестрином этюднике. Раньше бы она завопила, подбежала, шлёпнула по-матерински.

— Вот, вот что надо! — возбуждённо зачастил он, разглядывая акварель.

На картинке поднимались вековые каменные стены. Валуны, покрытые мхами, освещённые солнцем, играли разноцветьем. Лёгкие мазки выцветшего белого, кумачового, охристого, густые тени синего соседствовали с ярко-зелёной травой, крошечными фигурами нескольких человек. И над всем горели золотом отреставрированные купола.

Схватив акварель, Дёмушка понёсся к монастырю. По дороге ему встретилась пара.

— Не хотите купить картинку?

Едва взглянув, мужчина полез в карман:

— Сколько? Это ты так хорошо рисуешь?

— Нет, сестра. Она в школе искусств учится. Ей пятнадцать.

— Пятисот хватит? Лида, у тебя есть ещё? — женщина открыла сумочку, порылась в кошельке. — Вот, возьми ещё. Талантливая у тебя сестра! Отличная живопись! Лида, смотри, как активен цвет, какая динамика! Я бы ещё купил, для друзей...

Так начался Дёмушкин бизнес. Аленка рисовала. Он продавал. Когда приехала комиссия, денег было достаточно, чтоб откупиться.

— Даём вам отсрочку на месяц, — сказала полногрудая одышливая инспекторша.

— А там, может, мать выпишут или отец вернётся, кто знает.

Вздыхнув, она застегнула сумку, повесила её на плечо и, тяжело переваливаясь, пошла к причалу.

IV. ОТПУСК

Анна Яковлевна, тридцать пять плюс, каре каштан в золото, зелёное под цвет глаз платье, янтарная капля над вырезом, готовилась к отпуску. Её бледная кожа просила солнца, и ноздри на тонком прямом носу уже вождели о запахе сосен, беломорской воды и сладком монастырском ладане.

Разложив бумаги и сверяя свои кривые заметки в блокноте с ровными рядами всплывающих на компьютере текстов, она удивлялась тому, сколько наработала за год. Предвкушая удовольствие от того, как протянет Александру Борисовичу флэшку с отчётом и бумажку с заявлением, не могла сдерживать улыбку, и губы, чуть дрогнув, показали ряд белых с щелочкой между четвёртым и пятым зубов. В тайне от себя она уже ощущала руку начальника на своей, многозначительное заглядывание в её глаза и пожелание хорошего отпуска. Потом он скажет: «Смотри, не застуди мне Машку», — а она ответит с насмешкой: «А вам-то какое дело?»

Потом, как когда-то прежде, огибая стол, подойдёт к нему сзади и поцелует в макушку с едва заметной проплешиной в густых почти чёрных волосах. Он повернётся к ней и протянет руки, готовые к объятиям, а она засмеётся и, выскользнув,

журавушкой упорхнёт за дверь... Как хорошо, что она не будет его видеть целые две недели, отдохнёт от этой утомившей её двойственности в их отношениях, о которой, как ей казалось, никто из сотрудников не догадывается...

Путь к начальственному столу пролегал через секретарскую. Нелли, новая секретарша, по совместительству студентка колледжа при МИДе, оглядела Анну Яковлевну оценивающе, с усмешкой. Этот взгляд уязвил, прошёлся холодком по позвоночнику, напомнил о возрасте. Войдя в кабинет, даже не взглянула на белый воротничок, контрастирующий с тёмной двухдневной щетинкой, подчёркнуто-официально со словами «здесь отчёт» положила флэшку на стол и протянула заявление.

— Александр Борисович, подпишите, пожалуйста.

Взглянул лукаво, с озорством, как мальчишка.

— А если не подпишу?

— Так уеду, у меня путёвка. Туристическая. Я о Соловках со школы мечтаю.

— А Машку куда денешь?

— С собой возьму. Не маленькая.

— С ума сошла. Соловки это тебе не санаторий.

— Разберёмся.

И, положив заявление на стол, швырком из кабинета. Выдав из себя улыбку секретарше, сдержалась и не спеша в коридор.

Эта Нелька, как заноза в глазу, поперёк дороги. Александр Борисович льнёт к ней, как шмель на цветок. Анна Яковлевна чуть ли не вчера углядела, как он нёсся за ней, как та вошла в трамвай, а он на ходу влетел в закрывающиеся двери.

«Пора искать новую работу», — подумала сердито и, не дожидаясь окончания рабочего дня, бросив сотрудницам:

— Пока, пока, я в отпуск. Тортик в холодильнике, — побежала за Машкой.

Маша, или, как она себя называла, «Маша-Мария», ходила в среднюю группу детского сада. Соединив в себе родительские гены и присовокупив нечто своё, цену себе знала, не заискивала перед старшими, с подружками обходилась без обнимашек, мальчишкам могла и отпор дать. В отношениях с куклами сохранила традицию чадолюбия, но с ума по ним не сходила и, рассадив Анжелику, Антуанетту и Дмитрия на своей кушетке, по вечерам, в отведённое мамой время, отдавала сердце розовенькому планшету с играми для девочек пяти лет.

Имела и телефон, дешёвенький и безликий, давно вышедший из моды Филипс, без игрушек и прибамбасов. Подарок папы. Он велел носить его всегда с собой, даже в детский сад на всякий случай. Телефон молчаливо лежал в шкафчике на верхней полке и ожидал своего часа. Но час не наступал, поскольку все у Маши складывалось благополучно. Как ни странно, предсказания Анны Яковлевны и воспитательницы средней группы о том, что его обязательно украдут, не подтвердились. Очевидно, внешность телефона не вызвала чувств. Маша-Мария и сама относилась к нему с безразличием, а, как известно, пропадают только самые любимые игрушки и вещи. У этой девочки игрушки не пропадали. В укомплектованной маминими стараниями жизни не оставалось времени на праздность, ну, только если совсем чуточку. Детский сад, бассейн, занятия английским, бальные танцы, подготовка к школе.

По выходным ее мама любила ездить в познавательные туры или ходить в музей. Маша не избежала и этой участи. Известие о том, что они едут на Соловки, не произвело на неё должного впечатления. Они много куда ездили. В поездах, автобусах мама читала Маше нужные книжки, и девочка кое-что запоминала, набирая с детства интеллектуальный код. Уже несколько дней на столе лежал «Гарри Поттер и философский камень». Название Маша прочитала и книжку даже полистала. Чем-то она ее заинтересовала...

— Маша-Мария, за тобой пришли! Доедай быстрее и иди.

Собрав сгущенку ложкой и отломив кусочек сырника, дождалась, когда воспитательница отвернулась, и, стараясь превратиться в невидимку, уткнулась в раздевалку...

Вечером складывали вещи в рюкзак для мамы и рюкзачок для дочки.

— Берем только самое необходимое, — повторяла мама, взвешивая на руке то одну вещь, то другую.

«Сапоги только для Маши, никаких домашних тапочек, не в санаторий едем».

— Мама, а можно зайчика?

— Тебе нести, ты и решай.

— А планшет? А телефон?

— Я свой возьму.

— А новую книжку?

— Гарри Поттера? Конечно, я ее специально купила. Думаю, тебе уже пора. Клади в мой.

Спать легли рано, не было ещё девяти, поскольку на два ночи вызвали такси. Маша-Мария быстро заснула, но в десятом часу перекочевала к маме, и обе крутились, время от времени стаскивая друг с друга широкое икеевское одеяло. Наконец, приткнувшись друг к другу, закимарили.

Анне Яковлевне сначала приснилась мать, которую она видела только на фотографиях, потом отец, высокий, грузный, ответственный работник Министерства финансов. Рассказывал, что в молодости слыл заядлым байдарочником. С отцом она прожила долго, почти всю жизнь, в этой же однокомнатной квартире, где теперь вдвоем с Машей. Как папа старался вывести ее в люди! Интересовался, что читает, с кем дружит, нанимал репетиторов...

Она проснулась до будильника и сразу вспомнила, что родители ей снятся перед неприятностями, и тут же вскочила, засуетилась, обещая себе принять все, что подкинет судьба.

Маша-Мария глаз не разомкнула, ее откиннутая мягкая ручонка никак не влезла сначала в рукав рубашки (и мама, и дочь предпочитали в поездки надевать рубашки, джинсы, кроссовки), потом Анна Яковлевна, закусив губу, с превеликой осторожностью, чтобы не потревожить драгоценное чадо, обряжала ее ножки, на голову легкий, под цвет глаз платочек, как себе.

Навьючив рюкзак и рюкзачок, сумку для документов и денег, подхватив Машу левой и ключи правой, отправилась в путешествие...

На вокзале, прежде чем найти свой вагон, потопталась у табло, закинула вещи на металлоискатель, сняла. Маша так и не проснулась, и Анне Яковлевне приходилось то и дело со словами «тяжеленькая, однако» подтягивать ее сползающее к коленкам тельце.

— Носильщика-то, мамочка, что ж не взяли? Давайте помогу.

Притянув к себе Машку, поцеловал в сонную щечку.

— Господи, Сашка! Ты-то что здесь делаешь? Никак проводить пришёл?

Анна Яковлевна и растерялась, и обрадовалась. Покраснела.

— Ага, до Кеми.

— Ты откуда узнал? — она недоумевала.

— Так ведь ты с работы заказывала, вот порылся вчера в твоём компе и решил составить компанию.

Пошли.

— Куда? Это наш вагон.

— Плацкартный? Ну и жила ты, прокачу вас с комфортом.

И они пошли вдоль поезда, натываясь на встречную толпу. Анна Яковлевна болезненно морщилась, извинялась. Ей бы радоваться участию, которое проявил Александр, но она вспоминала то худосочную блондинистую секретаршу Нелли, то цыганистого вида библиотекаршу, которая причалила к абонементу после того, как от их Центральной научной библиотеки остался жалкий кусок. Когда-то и она работала здесь библиографом, прошла хорошую школу, обучаясь у седовласой, гладкопричесанной заведующей отделом. Но после того, как новый директор, Александр Борисович, почти все помещения сдал под офисы, перешла в бюро переводов, организованное им. Он пригласил, она согласилась. Еще бы ему не пригласить. Такими специалистами, как она, не разбираются. К тому же он и глаз на неё положил, чуть ли не с первой встречи. Часто подходил, заглядывал в лицо с нежной улыбкой. А однажды в гнилое мартовское утро, когда она вышла из метро и, оглябая прохожих, сновала по тротуару, боясь опоздать на работу, он, испугав её, дёрнул за руку, притянул к себе и вложил в ладошку букет подснежников. Да, он умел ухаживать! Любил женщин, и они ему не отказывали. Вот и она...

— Эй, где ты там? — донесся до неё голос Александра Борисовича. — Не отставай.

А она и не отставала. Просто все прокручивала и прокручивала картинки их встреч и ещё раз подумала, что работу надо менять и с Сашей видаться по возможности реже. Только вот Маша-Мария...

Вагон, в который так стремился Александр Борисович, был единственный в этом составе и неповторимый. СВ. Мягко освещённое двухместное купе, сочетание светло-бежевых стен с неяркими бордовыми шторками и покрывалами, скатерть на столе, цветы. В таких или похожих он всегда ездил с мамой, известным московским архитектором. Был у него где-то и папа, но затерялся. Поэтому мама, указывая на сына, всегда поясняла: «Это тоже мой проект». Она сыном гордилась, поэтому добавляла: «Лучший». Если ее вызывали в школу, подняв голову шла по коридору и, войдя в учительскую или к директору, спрашивала высокомерно: «В чем дело?» Называла свою фамилию и всегда была на стороне сына. Обычно, заканчивая разговор, произносила: «Вы, воспитатели, педагоги, должны быть умнее, и если у ребёнка что-то не клеится, это ваша вина. Постарайтесь разобраться. У меня к Александру претензий нет». Что

было правдой. Жили они дружно, и Саша часто ездил с мамой не только в отпуск, но и в командировки.

— Так ты что, действительно собрался нас провожать до Кеми? И зачем такая роскошь? — подняв брови, спросила Анна Яковлевна (отец, отправляя ее в санатории, врачи находили искривление позвоночника, билеты покупал в плацкарт, очевидно вспоминая свою туристическую юность).

Устроив Машу на сиденье, Александр Борисович, глядя на дочку с лёгкой улыбкой и нежа ее взглядом, поправил ручку, убрал волосок, прилипший к уголку рта. Снял с её ног кроссовки и бережно поставил на пол.

— Один раз живем, Анечка. И жить надо красиво.

— Красота должна быть внутри человека, а это все внешнее.

— Ну, разве тебе здесь не нравится? Чисто, аккуратно, никаких неприятных соседей и запахов. Смотри, здесь даже туалет есть. Неужели ты собралась водить Машку в общий или, может быть, ты взяла для неё горшок?

— Горшок не взяла. И ты же знаешь, я не сторонница роскоши, и Машу не хотелось бы к ней приучать. Неизвестно, какая ей достанется жизнь. Роскошь развращает, делает человека от неё зависимым.

— Ну, завела свою пропаганду.

Но тут Маша перевернулась на бок и родители, переглянувшись, замолчали.

— Аня, устраивайся, я пойду на перрон покурю...

Когда Александр Борисович вошёл в купе, в нем горел ночник. Анна Яковлевна, не переодевшись, лишь только скинув обувь, лежала рядом с дочкой и казалась спящей. Александр Борисович разделся, повесил вещи на вешалку, аккуратно расправил воротничок рубашки и выключил ночник...

Рассвет робко проникал сквозь шторы, время от времени купе освещалось яркими вспышками пролетающих составов. Стучали колеса. Равномерно и безразлично, выбивая такт, отмеряли они километры, увозя пассажиров все дальше и дальше от столицы.

Анна Евгеньевна даже во сне никак не могла побороть в себе раздражения, время от времени просыпалась, и вскипало в ней негодование. «Нет, ну зачем он навязался нам в попутчики? Мы с Машкой лежали бы, прижавшись друг к другу на верхней полке, то разглядывая за окном незнакомые пейзажи, то я бы читала Маше. Потом мы спускались бы с верхотуры и осторожно, чтобы не помешать пассажирам внизу, ели свои бутерброды, запивая чаем из термоса».

Сейчас все было иначе. С раннего утра шуршали по вагону официантки с блокнотиками, робко стучались в купе, разносили меню, порхали с подносами и салфеточками, едой, аккуратно упакованной в миниатюрные коробочки, предлагали чай, кофе, коньяк...

Задержав взгляд на хорошенькой скуластенькой официантке, почти копия их проводницы, она подумала: «Интересно, откуда они? Из Калмыкии, Бурятии? Какие же молодцы. Дружат, помогают друг другу. А москвички другие. У нас в наследство от родителей вежливое сюсюканье, ни на волос ни любви, ни помощи. И я такая же. Даже хуже, хуже других». Она вспомнила, как осуждала бывшую одноклассницу, постоянно просившую у знакомых безвозмездную материальную помощь, вместо того чтобы устроиться на работу.

А колеса все стучали, лежал в рюкзаке нераскрытый «Гарри Поттер», и Александр Борисович все обхаживал и обхаживал свою дочку, предлагал ей то ресторанные лакомства, то набирал у толпившихся на станциях продавцов полиэтиленовые стаканчики с ягодами или жирные копченые рыбки домашнего производства. Рыбки он запивал холодным пивом из ресторана.

— Хочешь? — спрашивал у Анны Яковлевны, предлагая то одно, то другое. Она или отказывалась, или брала одну или две ягодки, крошечный кусочек оторванной рыбки или, глядя в окно, отхлебывала глоток.

А Маша-Мария мела все подряд, и Анна Яковлевна тревожилась, не заболит ли у неё живот, и все ждала, когда же, наконец, Кемь, и их провожатый отчалит. Она привыкла с дочкой быть вдвоем, и это третье лицо тяготило ее, или, как бы сказали мои современники, напрягало.

Когда подъезжали к Кеми и начали подбирать разбросанные по купе вещи, Анна Борисовна обомлела: откинув сиденье, Александр вытащил из него чемодан.

— А это зачем?

— Как зачем? Там мои вещи. Ты же знаешь, я люблю хорошо выглядеть во всех условиях. Вот и дезодорант взял, — помахал баллончиком с иностранными буквами. — Знаешь, путешествие по Белому морю хоть и приятное и, говорят, безопасное, но мало ли что. Вот решил составить вам компанию.

Догадка Анны Евгеньевны, которую она от себя прятала, подтвердилась. Он едет с ними. Значит, отпуск безнадежно испорчен.

Ей пришлось убедиться в этом ещё в поезде. Проснувшись ночью, обратила внимание, что его место пусто. Вышла в коридор. Из-под прожилки света в купе проводницы раздавался знакомый шёпот, нежное дыхание... Анна Евгеньевна, едва только Александр Евгеньевич вошёл, тихо, чтобы не разбудить Машу, выцедила:

— Забирай чемодан и катись.

— Анечка, я же тебе не муж, какие претензии. Я всегда говорил, что свою свободу не променяю на обручальное кольцо никогда. Да, и ты ко мне не ласкова. Что ж мне остаётся делать?

Аня вышла, не дослушав.

Правда, кто она ему?

Стояла в коридоре и, держась за металлический поручень побелевшими пальцами, сухими и злыми глазами смотрела на сосны с разбросанными между ними великанскими валунами. На душе было скверно...

В Кемь прибыли ночью. Белой-белой. Такой ночи Анна Яковлевна ещё никогда не видела. Перламуртовой.

В центре перрона сбившиеся в кучку туристы, подошла к ним:

— Здравствуйте, вы из московской группы? А где трансфер?

— Сейчас прибудет на площадь за вокзалом. Поедем в гостиницу. А утром отправимся на причал.

Автобус показался ей маленьким, напомнившим какие-то советские фильмы. Правда, свежеевыкрашенный, голубенький, чистый. Мест хватило на всех. Даже на Александра Борисовича.

— Это вы вчера записались на свободное место? — блеснула загоревшим лицом сопровождающая, стрельнув карим востроглазом.

«Ещё одна претендентка», — подумала Анна Яковлевна, усаживаясь у окна. Она хотела взять спящую Машу из рук Александра и жестом попросила его об этом. Он же с усмешкой отрицательно покачал головой и уселся рядом...

Всё (кроме, конечно, присутствия Машиного отца, случайная встреча их взглядов пугала и мучила) в этом путешествии (она так бы хотела здесь побывать ещё не раз) открывало ей (она не боялась громких слов, ведь проговаривала их для себя) вечность. И это Белое море с дыханием севера с разбросанными по нему каменными кузовами, и играющие в воде молодые тюлени, заглядывающие ей в душу детскими глазами, и золотистые блестки, разбросанные горстями, и светлые, пугающие выпуклыми зоркими глазами красивые, но хищные птицы. Но главным был, конечно, монастырь, сказочным Китежем поднявшийся над морем.

Однако исторические реалии (Соловецкий лагерь особого назначения) не просто пугали, а ужасали Анну Яковлевну, разрывали созерцание божественного, прибавляя горечь и боль. Она помнила рассказ папы, что его дядя, старший брат отца, погиб где-то здесь во времена ГУЛАГа. Это связывало ее с этим островом. Мысли о собственном неблагополучии (неверность Александра Борисовича, ее зависимость от него, ревность по отношению к дочери, которая, отвечая на внимание отца, льнула к нему, не хотела сходить с его рук) отступали, и ей ошибочно казалось, что здесь она меньше страдает о личном, страдая общим. Но куда же денешься от личного...

Вот он несёт Машу на плечах, спускаясь с Секирки, вот стоя проводит лодку по узким монастырским каналам, вот, выведя лодку в озеро, ныряет в воду и плывет, меняя брас на сажёнки. Она боится на него смотреть, любя так сильно, что это кажется невозможным. Ночью, ночью он бесшумно подходит к кровати, на которой лежит без сна Анна Яковлевна и шепотом спрашивает: «Ты не спишь? — и добавляет просяще-нежно: — Пустишь?» И она пускает...

Потом он поправляет Машино одеяло, сползшее на пол, выходит на улицу покурить, долго не возвращается. Анна Яковлевна начинает нервничать и думает, что он пошёл к той, востроглазенькой, и пора, давно пора менять работу. «В первый же день подам заявление об увольнении»...

Вернувшись на материк, они сидят в Кеми в ресторане, он заказывает водку и ей, и себе (такова традиция), накрывает ее холодную руку своей горячей и спрашивает, глядя в глаза:

— За меня пойдёшь?

— Что? — переспрашивает она.

— Замуж, говорю, за меня пойдёшь?

Ей бы тихо согласиться, а она, прищурив глаза, язвительно-зло взрывается:

— А как же твоя свобода и где ты был все эти шесть лет, что я одна с Машкой? Да иди ты...

Она вскакивает, подбегает к Маше, сидящей на корточках у входной двери перед черно-белым котёнком, хватая ее за руку и тянет так быстро, что Маша не успевает оглянуться.

На перроне Анна Яковлевна волочит Машу к поезду, сунув проводнице билет и паспорт, отыскивает нужное место. Подсадив Машу, привычно-ловко закидывает рюкзак и, подтянувшись, залезает сама, достает «Гарри Потера».

— А папа?

— Папа приедет позже. У него дела.

Но Маша не слушает, вертится, достаёт из рюкзачка вышедший из моды Филипп и, нажимая на кнопки, шепчет:

— Папа, папочка.

«Телефон абонента выключен или находится в зоне...»

— Мама, позвони ты сама, со своего, — просит Маша.

— Я же тебе сказала, он приедет позже... Не крутись. Слушай.

Анна Яковлевна открыла книжку и начала читать, а Маша-Мария все смотрела в окно и ждала папу.

V. БУМАЖНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Не прошло и трёх лет после желанной для Лёвушки свадьбы, как он заметил, что у Ларисы, его супруги, голубоглазой с соблазнительными ямочками на щёчках дамочки, появилось в лице что-то печально-скорбное. Время от времени её крошечный в виде бабочки рот странно сжимался, и нижняя губа начинала подрагивать.

Недавно, подходя с Ларисой к подъезду дома, где она жила с родителями до бракосочетания с Лёвушкой, он заметил двух амбалов, стоявших неподалёку.

— Поспешила, — бросил один из них, и Лёвушка, скосив глаза на жену, заметил, что она нахмурилась и покраснела. «Неужели жалеет?»

Он не знал, что Лариса, прежде чем принять его предложение, как некогда гоголевская Агафья Тихоновна, долго примеряла на себя женихов, и только её маменька, застав дочь за этим занятием, утвердила кандидатуру:

— Конечно, Лёвушка. Если уж он тебе не жених, то не знаю, что тебе надобно.

Лёвушка, действительно, выглядел самым достойным. Во-первых, в его уме сомневаться не приходилось: кандидат медицинских наук, писал докторскую, во-вторых, его московские, в четвертом поколении, корни просто зашкаливали, в-третьих, рост метр восемьдесят, бледное, в обрамлении чёрных вьющихся волос лицо, и, главное, его любовь. Но, увы, ему не хватало брутальности. Он это чувствовал и страдал.

Стараясь компенсировать недостаток, делал всё возможное и невозможное. Например, подавал Ларисе кофе в постель, дарил милые безделушки и даже предоставлял ей относительную свободу. Ларисе разрешалось время от времени пойти с подружками в консерваторию, иногда театр, брать уроки вокала и балльных танцев. Но, как казалось Лёвушке, если кто-то из её подружек выходил замуж за спортсмена — завидовала. И он всё думал и думал, чем бы порадовать жёнушку... К годовщине свадьбы он решил преподнести ей тур в Италию. Каково же было его удивление, когда Лариса, проявив неожиданную решительность, заявила:

— Нет, мы поедem на Соловки!

И Лёвушка тут же купил семейный чемодан на колёсиках и билеты на поезд...

В вагоне, скомкав и утянув за собой расстеленный в коридоре ковёр, с трудом втащил чемодан в купе, безуспешно попытался сначала запихнуть его в ящик под диваном, потом взгромоздить на полку для багажа. Лариса, стоя в дверях, нервно мяла лямку рюкзачка из светло-бежевой натуральной кожи и вежливо извинялась перед пассажирами, которым загораживала проход. «Нет, не орёл», — с сожалением отмечала она, вспоминая любимое мамино выражение...

Так началось их путешествие. Но потом, по мере того как подмосковный пейзаж сменился на карельский, у Ларисы, прильнувшей к окну, глаза радостно заблестели: она любовалась подступавшими к поезду лесами, могучими, вздувавшимися от силы воды реками, валунами, разбросанными великанами. Лёвушка, стоя рядом, с наслаждением выхватывал из мелькавших названий станций те, которые были написаны по-карельски, и это почему-то очень радовало и веселило.

Когда же катерок, подхвативший их в Кеми, понёс по Белому морю, переливающемуся жемчужными блёстками, стояли на палубе, крепко держась за леера.

Трудно сказать, как бы прошло их бумажное путешествие, если бы не повстречали они другую пару, уже обременённую чадом лет двенадцати. Это случилось на Заяцком острове, когда экскурсия закончилась и туристы, прохаживаясь по берегу моря, пытались вернуться от исторических ракурсов в современную действительность. Негромко переговариваясь и предвкушая обед и отдых, они утомлённо всматривались

в морские просторы и ожидали, когда же со стороны бухты Благополучия появится катер.

Но тут с противоположной стороны, играя сначала белым мазком, потом парусом, появилась лодка. Чуть позже различили головы. Когда судно причалило, увидели троих: мужчину, женщину и девочку лет двенадцати. Загорелые, жилистые, под стать друг другу. Лариса тут же уцепилась взглядом за мужика. Лёвушка, заметив восторг, с которым Лариса смотрела на мужчину, жался, посмурнел... Сняв спасательные жилеты, яхтсмены вышли на берег. Их фигуры, бронзовый загар, лёгкая походка вызвали интерес у экскурсантов. Казалось, что это люди какой-то другой цивилизации. Красивые, приветливые, улыбающиеся. Лариса онемела. Лёвушка обратил внимание, что и мужчина выделил его жену из толпы и бросает на неё восхищённые взгляды.

Укрепив лодку на берегу и о чём-то переговорив со зрителем на причале, семейство отправилось вглубь острова. Мужчина всё время оглядывался. «Как голова не оторвётся», — негодовал про себя Лёвушка, досадуя на задерживающийся катер... Не прибыл катер и тогда, когда троица, очевидно познакомившись с достопримечательностями острова, вернулась к лодке. И опять те же взгляды...

Неожиданно мужчина резкими шагами приблизился к лодке. Женщина, очевидно его жена, изогнув лёгкий стан, достала что-то из-под сиденья и передала мужчине. Тот, развернувшись, подбежал к Ларисе. Несколько секунд он и она, не шевелясь, стояли друг перед другом. Любуясь мужем, женщина с восторгом следила за тем, какое неотразимое впечатление произвёл он на златокудрую красавицу.

«Глаза в глаза», — сжимая кулаки, отметил Лёвушка. Он увидел, как мужчина сунул что-то его жене в руки, большое, тяжёлое, ярко-переливающееся на солнечном свете. Это что-то тут же юркнуло в большой, затрепетавший, пакет.

«Что, что он тебе дал?» — хотелось крикнуть Лёвушке, вырвать это что-то из рук жены, но лишь смотрел на Ларису каким-то новым, изучающим взглядом. Его удивило, что женщина-яхтсмен выглядит вполне дружелюбно, не высказывает неудовольствия поведением мужа, будто даже одобряет его...

— Девушка, — крикнула она со смехом, — давайте к нам, у нас место свободное есть!

И Лёвушка испугался, а вдруг... Взглянул на жену...

Оттолкнув нос яхты, мужчина прыгнул на борт, бросил команду. «Есть отдать концы», — ответила женщина.

Неожиданно для себя Лёвушка, восхищённо глядя на отходящую лодку, ни к кому не обращаясь, произнёс:

— Хотел бы я, чтоб моя жена была у меня матросом!

И тут же услышал, как ему показалось, едкое и обидное, брошенное ему как упрёк:

— Для этого нужно, чтоб муж был капитаном!

Ох, как застряла эта фраза в Лёвушкиной голове, как она там крутилась, не давая ему покоя весь остаток дня, ночь и даже то утро, когда вышли с другими туристами в поход по озёрам и каналам... Как бы ему хотелось стать капитаном...

А что же Лариса? Вчера, сразу же после экскурсии на Заяцкий остров, едва перешагнула порог ресторана, направилась на кухню, где передала пакет, в котором покачивалась уснувшая рыбина, повару. На удивление быстро блюдо, украшенное свежей зеленью, попало в ловких руках официанта над головами экскурсантов. Лариса положила кусок рыбы Лёвушке, кусок себе. Остальное — попутчикам. Ела с удовольствием, смакуя. Уговорила и Лёвушку отведать, он сначала отказывался и сердился, указав жене на нескромное поведение.

— Не понимаю, что ты в нём нашла.

Но свой кусок съел и... простил...

В одной лодке с ними оказалась пожилая дама лет шестидесяти, путешествовавшая в одиночестве. Её Лёвушка устроил на корме. Ларису посадил на нос, лицом к себе, сам — посередине, приладив обычные вёсла в уключины и положив рядом с собой короткое.

Сначала шли по озеру. Лариса витала среди облаков, нагибаясь, ловила воду, млея от тёплой воды и солнца. Её ланиты порозовели, перси колыхались в такт лёгкому движению лодки. Однако вскоре подул встречный ветер, и войти в канал оказалось не так-то легко, лодку всё время сносило, Лёвушка то грёб обоими вёслами, то осторожно подгрёбал малым. Его ничтожный детский опыт грёбца в столичном пруду Екатерининского парка тут не пригодился. Рассчитывать на женщин не мог, значит — сам.

После нескольких неудачных попыток вошёл в узкую протоку, с древних времён выложенную валунами, и, переместившись на нос, Ларису в центр, упершись ногами в днище, повёл лодку. Но как же медленно она двигалась. Повернувшись, чтобы проверить своих пассажиров, заметил входившие в канал лодки. Теперь от Лёвы зависело

их успешное продвижение вперёд. Проход же становился всё уже и уже. Пришлось встать на колени и отталкивать лодку то от одного берега, то от другого. Иногда и Лариса пыталась помочь ему, тогда он покрикивал на неё, давая указания. С облегчением вздохнули, когда вышли в озеро. Лариса гладила поверхность воды, время от времени касаясь плотных листьев кувшинок, мечтательно глядя на чаек, круживших над озером. Теперь Лёва, поменявшись с Ларисой местами, сидел на центральной скамейке и, стараясь не опускать глубоко вёсла, грёб, внимательно вглядываясь в расставленные на берегу жёлтые стрелки.

Пожилая дама временами напоминала о себе, рассказывая о внучке, которая уже три года как замужем, а детей-то всё нет. Лёва, сжимая вёсла так, что у него белели кончики пальцев, тут же находил в прибрежных зарослях то белку, то лису и шептал пассажирам:

— Смотрите, смотрите!

И те замирали на мгновенье, а затем беззвучно ахали.

Огибая небольшой островок, кругляшом выступающий из-под воды, Лёва заметил, что, отвлекаясь от грёбли, он нарушает ритм, движения становятся более хаотичными, лодка сбивается с курса, и лодки, шедшие за ними, перегоняют их и уходят в очередную протоку. Солнце же, ярко светившее во время их путешествия, поблёкло и уже не переливалось в воде блёстками. Сначала его размазало марево, потом оно скрылось за поднимающейся из-за моря тёмно-фиолетовой полосой.

По озеру пошла крупная рябь. Ветер, похожий на гул, насторожил. Стёжившись, женщины накнули на плечи ветровки. Лёва никак не мог решить: продолжать ли движение по воде или причалить к берегу. Оглядывался по сторонам, ища подсказки от лодочников, шедших их же маршрутом, но лодок на озере не наблюдалось. Тёмная полоса, обернувшаяся гигантской иссиня-чёрной птицей, закрыла небо. Махни она сейчас крыльями, и не останется ни лодки, ни их самих.

— Подгребай! — крикнул Лёва, передавая жене короткое весло, и Лариса, стараясь попадать в такт с его движениями, отталкивала от себя воду. — Раз, два, раз, два, — командовал Лёва, ощущая прилив сил и радости.

Подплыв к берегу, взглянули на небо. Туча, разорвавшись на части, уходила куда-то вдаль, и между её ошмётками проглядывало солнце.

— На Анзер пошла, — тоном знатока сказал Лёва, готовясь оттолкнуть лодку от берега... Но услышал:

— Лёв, передохнуть бы. Голова кружится.

И Лёва подал руку Ларисе, потом пожилой женщине, перешагнув через борт, привязал лодку. Земля уходила из-под ног, шатало.

Вдруг слабое Ларисино «ах!» Удивлённый взгляд на Лёвушку.

— Лёва, нога. Очень-очень больно. Ступить не могу.

— Садись вот сюда, на этот пень. Ногу вытяни, так, на меня, пошевели пальцами, теперь пальчики к себе. Так, так. Пяточку ко мне, — Лёва, работавший когда-то фельдшером, определил сразу: — Это у тебя растяжение. Как умудрилась?

Снял футболку, скрутил в жгут, уверенными движениями забинтовал лодыжку.

Опираясь на плечи мужа и пожилой дамы, Лариса доплелась до лодки...

От пристани до гостиницы Ларису нес Лёвушка. Время от времени ему помогала пожилая пассажирка, и тогда Лариса, держась за неё, нескладно прыгала, а дама с каким-то тайным удовольствием бубнила:

— И от мыши бывает добро.

В номере Лёвушка уложил Ларису в постель, перебинтовав при этом добытым где-то эластичным бинтом, и, устроившись рядом мурлыкал что-то нежное и утешительное.

Спустя несколько дней ковыляли к причалу и, прощаясь с бухтой Благополучия, махали монастырю, скитам, озёрам и пожилой даме, провожавшей их.

За бортом плескалось море, в нём, играя чешуёй, мелькали рыбы, попрощайничали любопытные бельки, ловя взгляды людей доверчивыми детскими глазами. Скандалили чайки! Время от времени катер обгонял яхты, шедшие по морю, и пассажиры приветствовали друг друга, поднимая руки и разгоняя ими воздух.

Лариса, которую Лёвушка усадил на корме и укутал тёплым пуховым платком, поглядывая на мужа, нет-нет, что-то шептала. За надсадным рёвом мотора он не мог разобрать слов, но ему слышалось: «Мой капитан». Он не видел ни чаек, ни яхт, ни морских просторов с разбросанными по ним островами — ничего, кроме голубых глаз, отражающих солнечные блики, ямочек на щеках и маленького треугольного рта с чуть дрожащими губами.